

АНДРЕЙ ЧЕРНОМЫРДИН

“ТИХИЙ ДОН” XXI ВЕКА

Как невозможно представить Россию без Кремля, без собора Василия Блаженного, без музыки Модеста Мусоргского, Петра Чайковского, Сергея Рахманинова, так и невозможно представить нашу культуру без Михаила Шолохова, без его романа “Тихий Дон”.

Только сейчас с высоты нашего времени становится понятным, каким подвигом писателя стало создание романа “Тихий Дон”, величайшего эпоса XX столетия. Не меньшего подвига и мужества требовалось Шолохову, чтобы напечатать, донести до читателя свою неожиданную, как гром среди ясного идеологического неба, книгу.

Мы не знаем, сколько лет легендарный Гомер писал свою “Илиаду” и “Одиссею”, но точно знаем, что русский эпос Шолоховым создавался на протяжении пятнадцати лет. В конце двадцатых годов прошлого столетия вышли первые две книги романа. “Тихий Дон” словно сорвал какую-то гигантскую завесу, за которой происходили страшные, непонятные, не объяснимые обыденным сознанием события, неуправляемая стихия народного бунта, смешанного с горем, страданием, безумием... Поразившись правде и силе слова новой книги, многие, впервые после октября 1917 года, поверили, что появился истинно народный писатель, “Тихий Дон” написан о них, каждый читающий эту эпопею находил в романе самого себя, свои мысли, переживания...

Дело историков литературы разбирать все перипетии, связанные с трудной судьбой романа “Тихий Дон”, с идеологической, политической, творческой битвой, развернувшейся вокруг книги Шолохова. Но очевидно одно, что появление гениального писателя — ни его завистливые собратья по перу, ни всезнающие комиссары от идеологии, спокойно пережить не могли. Шолохова одним махом обвинили в плагиате и, разумеется, в предательстве идей социализма. Суть претензий, звучащих как расстрельный приговор, наиболее чеканно выразил историк Николай Янчевский в декабре 1930 года: “Надо всем читателям вскрыть подлинные политические идеи «Тихого Дона» Шолохова, его историческую установку и ценность той реакционной романтики, которая мертва, от которой надо отталкиваться и которую он культивирует, поэтизирует и преподносит как нечто ценное. Неужели этот груз мы понесём с собой в социализм? Конечно, нет! Это нам не нужно!”

Бесстрашной честностью Михаил Шолохов сумел обратить на себя внимание Сталина. Понимая, что рядом с “треном” всегда стоит эшафот, Шолохов не побоялся открыто поставить в известность “вождя”, что творится за пределами Кремля, рассказав о том, что знал лично, а именно о тяжелейшем положении крестьян, о том, как на самом деле ведутся хлебозаготовки... Например, в одном из писем к Сталину Шолохов пишет 4 апреля 1933 года:

“В Плешаковском колхозе два уполномоченные РК — Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии широчайше распространявшийся по району метод “допроса с пристрастием”. В полночь вызывали в комсод¹, по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею верёвочную петлю и вели к проруби в Дону топить...

В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребёнком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы её пустили с ребёнком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребёнок замёрз на руках у матери”.

Третью книгу “Тихого Дона” Шолохов написал ещё в 1929 году, но вышла она из печати только в начале 1933 года. В беседе с читателями Шолохов открытым текстом заявил: “Трудность ещё в том, что в третьей книге я даю показ Вёшенского восстания, ещё не освещённого нигде”. Рассказывание — массовый красный террор и репрессии против казачества как социальной и культурной общности Российского государства — вот главная неумолчная боль Шолохова в его “Тихом Доне”. “Жухлые надвигались на область дни, — с глубокой горечью скажет он в романе. — Гиблое подходило время”.

Шолохов смело поднял запретную тему. При всём при том: «Третью книгу «Тихого Дона» печатать будем!» — был вердикт Сталина, а неотступно следивший за Шолоховым чекист Ефим Евдокимов не скрывал: “Мы не хотим Шолохова отдавать врагам, хотим его оторвать от них и сделать своим!.. Если б это был не Шолохов с его именем, — он давно бы у нас был арестован”.

Под пристальным надзором Сталина Шолохов продолжал работать над завершающей четвёртой книгой. И всё-таки не “посадил” он “для перековки” Григория Мелехова и не сделал его кандидатом в члены ВКП(б), как советовали ему “братья-писатели”... И даже такой авторитет, как граф Алексей Толстой, талантливый прижизненный классик, подталкивал под локоть Михаила Александровича: “Нельзя свести революцию к судьбе одной семьи. Шолохов должен раздвинуть рамки трагедии”.

Ещё непримиримей высказывания другого классика — Александра Довженко: “Я прочитал книгу «Тихий Дон» с чувством глубокой внутренней неудовлетворенности...”

Суммируются впечатления таким образом: жил веками тихий Дон, жили казаки и казачки, ездили верхом, выпивали, пели... был какой-то сочный, пахучий, устоявшийся, тёплый быт. Пришла революция, Советская власть, большевики — разорили тихий Дон, разогнали, натравили брата на брата, сына на отца, мужа на жену; довели до оскудения страну... заразили триппером, сифилисом, посеяли грязь, злобу... погнали сильных, с темпераментом людей в бандиты... И на этом дело кончилось”.

Дело-то, может, и кончилось, но остались искалеченные судьбы, разорённые дома, разрушенные семьи, осиротевшие дети, поседевшие матери, оголённая и поруганная родная земля, оставшаяся без хозяина, без кормильца...

Исследователи подсчитали: в романе “Тихий Дон” у Михаила Александровича Шолохова свыше 980 персонажей, из них более 360 — реальные исторические лица!

¹ КОМСОД — В каждом колхозе организовывали из представителей бедноты «комсод» — “комиссия содействия по изъятию хлеба”. — Прим. ред.

Сколько же драм, судеб и жизней пережил Шолохов в свои тридцать четыре года, когда закончил свой роман? Из рассказа дочери писателя — Светланы Михайловны — мы узнаём: “У отца руки немели...” С математической точностью подсчитано: для того, чтобы элементарно переписать набело только 854 страницы первых двух шолоховских книг, подлинными рукописями которых мы сегодня располагаем благодаря неравнодушному практическому участию Владимира Владимировича Путина и Виктора Степановича Черномырдина, необходимо физически затратить не менее 175 суток, это если трудиться день и ночь, сутки напролёт... Можно понять Шолохова, который как-то в сердцах обмолвился: “«Тихий Дон» меня выпил до края”.

Вот почему особенно важно подчеркнуть уникальность и особенность настоящего издания “Тихого Дона”, который впервые воссоздан по обнаруженным подлинным авторским рукописям и первым публикациям третьей и четвёртой книг романа, благодаря чему в нём сохранён авторский текст в его оригинальной (авторской!) орфографии и пунктуации, а для правильного улавливания и понимания музыкального звучания текста ударения в словах расставлены в соответствии с говором Верхнего Дона — родины Шолохова. Текст настоящего издания подготовлен многолетними трудами Александра Фёдоровича Стручкова и Светланы Михайловны Шолоховой, дочери писателя.

Член Французской академии, бывший министр культуры Франции, знаменитый француз с русскими корнями Морис Дрюон, который был в добрых отношениях с моим отцом, однажды сказал: “Русская душа — это не меланхолия, не безоглядность, не отчаяние, не мистицизм, не вызов, не фатализм, не лень, не вспыльчивость, не слёзы, не мечтание; — она соединяет всё это одновременно. Не прост русский человек”.

Шолохов прекрасно знал, что такое “русский человек”, понимал его непростой, не понятный чужому взгляду характер. И сам Михаил Александрович не прост был в жизни, как не прост и “Тихий Дон”, ставший своего рода посланием в будущее, посланием о промыслительной судьбе России, о судьбе русского народа...

Представляется символическим, что одной из последних больших прижизненных шолоховских работ — стал роман “Они сражались за Родину”. На мой взгляд, всё написанное Шолоховым, и “Тихий Дон” в первую очередь, — всё это о тех, кто сражался и продолжает сражаться за Родину, и кому предстоит ещё отстаивать её в новых испытаниях...

Я не литературный критик и не литературовед и могу говорить только о своих личных впечатлениях. Но ведь для того, чтобы читать великую Библию, не обязательно быть богословом или религиозным философом. Хотя каждый читающий её становится богословом в меру своих сил и начинает задумываться о душе, о жизни и смерти, о спасении, о покаянии, о самых важных и глубоких смыслах бытия и мироздания. На мой взгляд, то же происходит и с теми, кто прикасается к великой книге Михаила Шолохова — «Тихий Дон». Человек начинает меняться, он начинает постигать глубины и высоты человеческой души, таинственные повороты Истории, кровную и мистическую связь с родиной, семьёй, с памятью прошедших поколений, с Небом, с самобытной мощью родного языка... Не случайно уже в самом названии романа каждый чувствует что-то огромное, могучее, подспудно таящееся. Ведь в тишине “Тихого Дона” — как в тишине Куликова поля перед битвой — сокрыто напряжение величайшей исторической драмы, какой ещё не знало человечество...

Сменяются поколения, социальные и политические матрицы общественного устройства, приходят и уходят дорогие нам люди, на дворе XXI век, а несравненный шолоховский космос “Тихого Дона”, словно Млечный путь, притягивает к себе вечной красотой и неразгаданной тайной России.